

ЛЮДИ
СПЕЦИАЛЬНОГО
НАЗНАЧЕНИЯ

АНДРЕЙ
БРОННИКОВ

РАЗВЕДЧИКИ СПЕЦИАЛЬНОГО НАЗНАЧЕНИЯ

ИЗ ЖИЗНИ 24-Й БРИГАДЫ
СПЕЦНАЗА ГРУ

Андрей Бронников

**Обыкновенный спецназ. Из
жизни 24-й бригады спецназа ГРУ**

«Алисторус»

2019

УДК 323(470+571)
ББК 66.3(2)

Бронников А. Э.

Обыкновенный спецназ. Из жизни 24-й бригады спецназа ГРУ /
А. Э. Бронников — «Алисторус», 2019

ISBN 978-5-907211-96-4

Неофициальный девиз спецназа ГРУ: «выше нас только звезды». Разведчиков готовили к выполнению практически невыполнимых задач. Например, тайно проникнуть в «режимный» (въезд только по спецпропускам) город Краснокаменск и имитировать диверсию на горно-обогатительном комбинате, где происходило обогащение урановой руды. В другой раз нужно было «взорвать» здания горотдела КГБ и городской АТС. Качество своей подготовки разведчикам довелось проверить «за речкой» – в Афганистане. Так, в 1987 году им было приказано добыть экземпляр американского ПЗРК «Стингер». Добывшему этот трофей министр обороны пообещал звание Героя Советского Союза. Воспоминания автора об учебных и боевых буднях 24-й дивизии спецназа сопровождаются портретами его сослуживцев – и ставших легендами спецназа, таких как Олег Онищук, Евгений Сергеев, Евгений Быков, и практически неизвестных героев. В этой книге нет ни одного вымышленного события или эпизода, все герои реальны, однако имена некоторых из них изменены по этическим соображениям.

УДК 323(470+571)
ББК 66.3(2)

ISBN 978-5-907211-96-4

© Бронников А. Э., 2019

© Алисторус, 2019

Содержание

Глава 1	7
Глава 2	9
Глава 3	19
Глава 4	21
Конец ознакомительного фрагмента.	26

Андрей Бронников

Обыкновенный спецназ. Из жизни 24-й бригады спецназа ГРУ

© Бронников А., 2019

© ООО «Издательство Родина», 2019

* * *

Офицерам СпН ГРУ посвящается

*Выражаю особую благодарность моим друзьям, подполковнику
Барсукову и подполковнику Зайкову, за помощь в написании романа
Автор*

*Нам не забыть ни дни, ни ночи те,
Ни те суровые года.
Но здесь мы ставим многоточие,
Все остальное – ерунда...*

Г. Сукачев, песня «Лейтенанты»

Глава 1

Ранним утром в среду 5 ноября 1980 года пассажирский поезд едва притормозил на небольшой станции, затем вновь начал набирать ход и через несколько мгновений исчез в морозной темноте, оставив на перроне единственного сошедшего пассажира – юного лейтенанта в парадной шинели с голубыми петлицами и эмблемами воздушно-десантных войск. Офицер подхватил тяжёлый чемодан с нехитрыми лейтенантскими пожитками и направился к обветшалому зданию вокзала с необычным названием «станция Борзя».

На душе у него было тревожно и пасмурно, а резвая и бодрая походка определялась лишь морозом и бравадой, воспитанной годами курсантской учёбы в Рязанском воздушно-десантном училище. Совсем недавно лейтенант закончил легендарную, широко известную в узких кругах 9-ю роту факультета специальной разведки ГРУ. В предписании была указана войсковая часть 55433 – 24-я бригада специального назначения, куда и направлялся лейтенант. Судя по документу, войсковая часть с указанным номером дислоцировалась на станции Борзя Читинской области, оставалось лишь узнать адрес и представиться командованию.

Лейтенант решил дожидаться рассвета и затем уже направиться на поиски указанной войсковой части. Полутёмный зал ожидания встретил его теплом и тишиной. Хмурые забайкальцы давно привыкли к многочисленным военным и не проявили ни малейшего интереса к его появлению. Если верить профессору Ламброзо, то почти каждого из обитателей вокзала можно было отнести к преступникам. Как оказалось, это первое впечатление, вызванное тревожным настроением лейтенанта, было обманчивым. Но тогда исключением оказались лишь несколько модно одетых женщин. Как впоследствии догадался лейтенант, это были офицерские жёны, которых местное население почему-то называло «овчарками». Юный офицер поставил чемодан возле окна и прижался спиной к тёплой батарее. Среди угрюмой массы пассажиров его внимание привлёк невысокого роста коренастый мужчина в полушубке и мохнатом треухе. Он явно не поддавался никакой квалификации. На подопечного Ламброзо мужчина не тянул, на военного тоже. Было очевидно, что лейтенант также был им замечен. Мужчина быстро вышагивал вдоль кассовых окошек, поглядывая в тёмный тупик коридора, из которого раздавались громкие звуки пьяного веселья. Хотя обитателей угла не было видно, об их уголовном происхождении можно было догадаться и без теории Ламброзо.

Мужчина в полушубке, изменив маршрут движения, проходя мимо лейтенанта, сквозь зубы процедил:

– Прикроешь меня сзади.

Офицер растерялся и вопросительно посмотрел на мужчину, а тот, раздосадованный его непонятливостью, вернулся и так же едва слышно, но уже более членораздельно повторил:

– Старший оперуполномоченный Серюков, прикроешь меня сзади.

Затем, уже не глядя в сторону лейтенанта, решительно направился в сторону тёмного закутка. Офицер всё понял и уже стоял лицом к остальным пассажирам и спиной к оперуполномоченному. Серюков ворвался в пьяную компанию и заорал:

– Встать!

Мгновенно определив, кто среди них главный, он левой рукой нанёс ему сильный удар в челюсть. Главарь упал на колени. Тут же вновь последовала команда:

– Встать!

Набыченный громила, не услышав крика, но подброшенный яростью и желанием уничтожить нападавшего, ринулся вперёд, но тут же рухнул, получив удар ногой в голову.

– Встать! – вновь прокричал Серюков. Главарь этого опять не услышал, только по другой причине – недвижимый, он валялся на полу. Вся его команда, воспользовавшись замеша-

тельством, на четвереньках попыталась скрыться, но была остановлена следующей командой оперуполномоченного:

– На пол!

В этот момент из поста линейного отделения милиции, привлечённые шумом, высыпали три милиционера. Серюков выхватил красное удостоверение и продолжил:

– Вы что, сволочи! Дармоеды!... Взять их!

Он и в ругательствах был краток и столь же убедителен. Милиционеры бросились обыскивать задержанных, дрожащими руками пытались надеть на них наручники. Вмешательства лейтенанта не потребовалось, но и знакомство с отчаянным опером не состоялось. По громкой связи объявили о прибытии поезда Краснокаменск – Чита, и Серюков, весело подмигнув лейтенанту, как будто ничего не произошло, скрылся за дверями.

* * *

Теперь, когда с того момента прошло тридцать лет, то есть столько же, сколько с момента окончания Великой Отечественной войны до моего поступления в училище, уже с трудом верится, что тем юным лейтенантом был я. Откуда берутся эти фантазии по мотивам собственной жизни? Почему радость, пройдя сквозь метели холодных лет жизни, остывает, а горечь потерь остаётся прежней? Почему самые трудные периоды нашей жизни по истечении многих лет оказываются самыми счастливыми? У меня нет ответа.

Будучи желторотым курсантом в те мирные семидесятые – восьмидесятые годы, я, глядя на убелённых сединами ветеранов, возлагающих цветы на могилы своих друзей, и подумать не мог, что через много лет и сам, возведённый молодыми в ранг ветерана, буду отдавать дань погибшим своим однополчанам и однокашникам. Друзей моих теперь разбросало по свету, нас разделили границы и тысячи километров. Уже нет той страны, которой мы честно служили, но память, она всегда со мной, и эта документальная повесть – лишь попытка сохранить их имена, отдать дань уважения офицерам и бойцам, служившим когда-либо в войсках специального назначения ГРУ.

Я благодарен им за то, что они делили со мной все трудности службы, одним – за то, что помогли написать эту книгу своими воспоминаниями, другим – за то, что оставили о себе светлую память, не давая забыть ту службу, честную дружбу, не испорченную материальной заинтересованностью. В этом романе нет ни одного вымышленного эпизода или действующего лица, лишь имена некоторых, по вполне понятным причинам, изменены. Детали, конечно, плод моей фантазии, но... это всего лишь детали.

Глава 2

Зима в Забайкалье всегда приходит рано и неожиданно, но не первым снегом, а трескучим морозом. За пять лет службы я полюбил Забайкалье, родину моего отца и деда. Этот край лишь внешне хмур и неприветлив, так же как и его обитатели. Готовность прийти на помощь, бескорыстие и преданность тому, кого уважают, – отличительные черты забайкальцев. В дальнейшем у меня не раз будет возможность убедиться в этом.

Однако такое уважение можно завоевать лишь справедливостью и честностью, а это, согласитесь, не так уж и просто.

В то морозное утро я шёл вдоль пустынной улицы, сгибаясь под тяжестью чемодана, и удивленно разглядывал покрытые изморозью, потемневшие от времени брусовые дома. На парящей теплотрассе, проложенной над поверхностью земли, тут и там свисали сталактиты застывшей ржавой воды. Я уже успел замёрзнуть, не имея ближайшей цели своего путешествия, подумывал о том, где можно было бы погреться. Хромовые, начищенные до блеска сапоги тепла не придавали, а курсантский кураж не позволял опустить клапана у новенькой шапки. Наконец, впереди появилась фигура женщины в лёгких унтах и телогрейке. Бурятка, резво перебирая явно приспособленными для верховой езды ногами, двигалась мне навстречу.

– Простите, – остановил я её. Мне показалось, что она впервые слышала такое слово, но тем не менее я продолжил: – Скажите, пожалуйста, где здесь находится десантная часть?

Спросить я мог только о расположении воздушно-десантной части, поскольку в те времена слово «спецназ» было под строгим запретом. Однажды прапорщик нашей части, войдя в ресторан и увидев своих однополчан, радостно заорал на весь зал: «Здоров, спецназы!»

На следующий же день имел несчастье в особом отделе держать ответ за раскрытие военной тайны. Отделался всего лишь глубоким испугом. Это сейчас «спецназов» уйма развелась (в том числе и достойных), а тогда был один – спецназ ГРУ, или войска специального назначения ГРУ ГШ.

Бурятская женщина посмотрела на меня и с непроницаемым лицом ответила:

– Однако, паря, дуй-ка в госпиталь. Может, там чё узнаш.

Её ответ меня обескуражил. Во-первых, я не сразу понял её специфический говор, а во-вторых, что значит «там чё узнаш»?

Больше по жестам, чем по её речи, я уяснил-таки дорогу и через несколько минут был уже на КПП госпиталя. С мороза мне там показалось очень тепло. Сидевший за стеклом чумазый боец даже не потрудился подняться. Меня это покорило, но лишь настолько, насколько я за время отпуска перестал чувствовать себя курсантом. В тот момент мне было не до офицерских строгостей. Разъяснений от бестолкового бойца получить не удалось.

Положение спас шедший на службу подполковник медицинской службы. На мгновение он задумался и выдал обескураживающую информацию, что в радиусе ста километров воздушно-десантных частей нет. Забегая вперёд, скажу, что оторванные от армейской действительности офицеры строевой части училища ошиблись с населённым пунктом. Уже на выходе с КПП подполковник повернулся и добавил:

– Там, возле магазина, сейчас санитарный кунг стоит. Водитель с воздушно-десантными эмблемами, может, ваш?

Я, обрадованный, помчался туда, забыв про мороз. Машина, на моё счастье, была ещё там. Постучав в окошко кабины, разбудил дремлющего водителя и спросил:

– Войсковая часть 55433 ваша?

– Ну, – отозвался заспанный боец.

– Что «ну»? – парировал я, начиная нервничать от подобной наглости военнослужащего срочной службы.

– Ну, наша, – лениво пояснил он.

– Слава богу! – воскликнул я, мгновенно забыв о раздражении.

В этот момент подошел лет тридцати старший лейтенант, как выяснилось позже – начальник медицинской службы бригады. Это только потом, прибыв к месту дислокации части, я осознал, насколько мне повезло. Без этого счастливого случая почти наверняка пришлось бы возвращаться в Читу в штаб округа.

Деловой до полного безразличия к окружающим немолодой старший лейтенант медицинской службы без лишних разговоров закинул меня в кунг и тут же забыл о моём существовании. Посетив попутно не одну воинскую часть, в бригаду мы вернулись поздно вечером. Благо, в кунге было тепло.

После двенадцатичасовой болтанки в машине, глубоким вечером полностью обессиленный и деморализованный, в обнимку со своим чемоданом я вывалился возле единственного пятиэтажного дома.

Бригада располагалась между двумя сопками посреди леса, в восьми километрах от ближайшего населенного пункта под названием Хара-Бырка. Ранее там дислоцировалась одна из позиций ракетной дивизии стратегического назначения, которые всегда старались разместить как можно более скрытно. Это местечко именовалось 23-я площадка. По договору ОСВ, 1 ракетная база, дислоцировавшаяся здесь ранее, подлежала уничтожению, что и было сделано. Шахты стартовых установок взорвали, но военный городок был полностью пригоден к проживанию. Почти пригоден. Первый комбриг подполковник Эдуард Михайлович Иванов во время охоты случайно обнаружил это место, и после согласования с вышестоящим начальством бригада переехала сюда из поселка Мирный.

Вид на 23-ю площадку в/ч 55433

Этот населённый пункт и был первым ППД¹ бригады. После того как часть переехала на бывшую ракетную площадку, офицерские семьи долгое время оставались жить в посёлке. Офицеров доставляли к месту службы на автобусе. Вечером в девятнадцать часов он отправлялся обратно. Те, кто опаздывал, оставались ночевать в бригаде. Были в этом отрицательные

¹ ППД – пункт постоянной дислокации.

моменты, но зато и без надобности на службу не вызывали, что с успехом практиковалось в дальнейшем. Название «Оловянная-4» было лишь почтовым адресом военного городка части. Может быть, поэтому существует так много разночтений по поводу мест дислокации 24-й бригады.

«Полковой» врач, так и не вспомнив о моём существовании, удалился в направлении светящегося уютными окнами ДОСа. Санитарный автомобиль, из которого я только что выгрузил свои пожитки, тоже уехал. Чувствуя себя курсантом первого курса, вырванным из привычной среды, я стоял одинокий под чёрным небом Забайкалья и не знал, что предпринять. После минутного замешательства, опознав КПП по звёздным воротам, я двинулся в часть искать дежурного офицера.

23-я площадка

На КПП бодро вскочил боец за маленьким окошком и даже не спросил пропуска, но мне уже было не до того. Я вышел на улицу и побрёл вверх по бетонной дорожке к ближайшему зданию. Мимо проходили офицеры, почти не обращая на меня внимания. Лишь один из них пробурчал:

– О, новенький.

– Где штаб? – робко спросил я его, и вместо ответа капитан махнул рукой в неопределённом направлении и тоже ушёл. После этого стало совсем уж тоскливо. Вдруг откуда-то сзади до меня донёсся радостный возглас:

– Ну, наконец, наши приехали!

Я, удивленный мыслью о том, кому это я своим приездом мог доставить столько радости, оглянулся. Ко мне бежал с распростёртыми объятиями невысокого роста старший лейтенант Евгений Сергеев, и это меня удивило вдвойне. Обладая занозистым характером, в училище, будучи курсантом-выпускником, он не баловал нас, первокурсников, особым вниманием, а скорее наоборот – игнорировал. Его горячее приветствие растрогало меня и слегка обескуражило, а он, понимая моё состояние, ободрил:

– Не ссы, щас всё устроим.

Перехватив проходящего мимо бойца, всучил ему мой чемодан и тоном, не терпящим возражений, распорядился:

– Это ко мне и быстро!

Взял меня под руку и тут же начал вводить в курс дела, рассказывая о вакансиях, характеризуя ротных и давая полезные советы. Из его пространного монолога я не запомнил ни слова, но... Но! Но я почувствовал себя в своей среде и начал успокаиваться. Пока он говорил, мы подошли к двухэтажному кирпичному зданию и по высокому крыльцу поднялись сразу на второй этаж. Распахнув дверь одной из комнат, Женя провозгласил:

– Ну, вот и наши начали подтягиваться.

В комнате я увидел ещё несколько знакомых лиц, моих старших товарищей, тех, что окончили училище раньше меня. Улыбчивый Боб Месяцев пожал мне руку, за ним радостно поприветствовали остальные.

После такого радостного приёма я сразу почувствовал себя в родной стихии. Если раньше, в училище, курсанты разных курсов друг с другом не общались, кроме как по службе, вращаясь на разных орбитах, то здесь было всё по-другому. Многих я здесь, во время офицерской службы, узнавал заново.

Всегда в спецназе ГРУ существовало негласное противостояние между выпускниками двух училищ. Дело в том, что основной кузницей кадров для подразделений разведки были Рязанское воздушно-десантное училище (9-я рота, а затем после расширения целый батальон) и Киевское общевойсковое. Рязанское училище готовило офицеров по прямому назначению – для спецназа, Киевское – для общевойсковой разведки. «Рязанцы» по праву считали себя истинными спецназовцами, имея опыт парашютных прыжков и обученные по программе подготовки специальной разведки. В дальнейшем с приходом опыта и «киевляне» становились опытными разведчиками, но поначалу разница была ощутимая.

Кроме того, выпускники Рязанского училища с курсантских «младых ногтей» понимали, что тут карьеры не сделаешь, генеральских должностей практически не было, поэтому служили «за спецназ», а не «за карьеру». У «киевлян» было несколько иное видение, что само по себе не возбраняется, но разница в подходе к службе была ощутимая.

В основе неформального воспитания «рязанцев» лежали традиции фронтовых разведчиков Великой Отечественной войны, которые отличались лихим пренебрежением к опасности, а равно и к дисциплине, так как у истоков создания войск специального назначения как раз и были те самые боевые разведчики. То же самое можно было сказать о воспитании курсантов факультета спецназ, но это тема для отдельного повествования.

Могу только для примера сказать, что среди развлечений была так называемая «курсантская рулетка». На стрельбище курсанты становились в кружок вокруг костра и бросали туда боевой патрон, стойчески ожидая, когда он выстрелит и куда полетит. После того как пуля ударила в пустое ведро возле ноги Кости Кожмякова, развлечения такого рода прекратились.

В училище курсанты факультета специальной разведки от первого до четвёртого, выпускного, курса учились и жили вместе. По службе старшие товарищи ходили дежурными по подразделению, младшие – дневальными, и все друг друга знали. Старшие негласно опекали младших. Причём деление было следующее: третий курс шефствовал над первым, четвёртый – над вторым. Однажды я в начале учёбы, едва вернувшись с курса молодого бойца, в столовой училища во время обеда, громыхая тяжёлыми сапогами, пошёл за чаем. Едва взявшись за огромный чайник, понял, что на него претендует курсант инженерной роты второго курса. Без чая оставаться не хотелось, и руку я не убрал. Курсант начал грозно на меня надвигаться. В этот момент за ближайшим столиком четверокурсник Худяков, лениво повернувшись, многозначительно посмотрел на моего соперника, и тот, все поняв, исчез. Однако, проявляя сдержанную заботу, курсанты старших курсов строго спрашивали с нас по внутренней службе, снисходи-

тельно относясь к нарушениям воинской дисциплины, нарочито ворча что-то вроде: «Оборзела молодежь».

Но и здесь всё работало по принципу «что положено Юпитеру, не положено быку». Каждый знал своё место, и «борзость» первого курса не шла ни в какое сравнение с тем, что могли позволить себе выпускники.

Весть о прибытии новенького быстро облетела офицерскую общагу. В комнату стали заходить для знакомства «бывалые» лейтенанты, как выяснилось чуть позже – выпускники Киевского ВОКУ, прибывшие месяцем ранее. Забота Жени обо мне не закончилась. Этого же бойца, что приволок мой чемодан, Сергеев вновь куда-то отправил, и через некоторое время тот вернулся со свёрнутым матрасом и быстро застелил мне постель. Я по старой курсантской привычке снял одеяло, чтобы встряхнуть его, и тут заметил какую-то серую пыль на простыне.

Это уже много позже я понял, что серой пылью на простыне были вши, но тогда на мне это никак не отразилось. Справедливости ради надо сказать, что это не было обычным явлением, с которым никто не боролся. Наоборот, боролись, и достаточно успешно, но время от времени педикулёз проникал в часть с постельным бельём из армейской прачечной в поселке Безречная.

Пока я обустроивал свой ночлег, на столе появилась сковорода жареной картошки, хлеб и пустые солдатские кружки. Мои приятели сидели напротив рядком на кровати и выжидательно смотрели на меня. Сперва я не сообразил, в чём тут дело. Потом меня осенило, и я, хлопнув себя ладонью по лбу, достал из чемодана три бутылки водки. Женя, назидательно подняв указательный палец вверх, воскликнул:

– Вот! Я же говорил! Ну не мог выпускник 9-й роты РВДКУ приехать с пустыми руками!

Празднование моего приезда, а заодно и Дня военной разведки, который совпал с моим прибытием, началось.

* * *

5 января 1987 года. Афганистан,

провинция Кандагар

Раннее январское утро было разбужено гулом вертолётных двигателей. Две «рабочие лошади» МИ-8, поддерживаемое парой МИ-24, растревоженными осами мчались вдоль бетонного шоссе. Разведчики сосредоточенно думали каждый о своём. Руководитель операции заместитель командира Шахджойского батальона майор Сергеев, сидевший за пулемётом на месте бортстрелка, внимательно смотрел в сторону гряды сопков, виднеющихся вдали. Вот-вот вертолёты, согласно маршруту, должны были свернуть под прямым углом с бетонки в Мельтанайское ущелье.

Группа летела в район кишлака Джилакур. Район был удалённый, находился на стыке зон ответственности Кандагарского и Шахджойского отрядов. Добираться сюда было проблемой и для тех, и для других, поэтому «духи» чувствовали себя здесь вольготно. План операции был прост: десантироваться, организовать засаду и затем быстро уйти, чтобы появиться здесь снова недели через две, когда душманы успокоятся. Такими нечастыми, но постоянными засадами можно было хотя и не прекратить их действия совсем, но держать душманов в постоянном напряжении. Этот вылет был первым из запланированных, но лишь подготовительным. Главная задача была подобрать место для засад, десантирования и днёвки. Всё это происходило под

видом досмотровой операции, поэтому вертолётов было четыре – обычное количество именно для такого рода действий. Досмотровой группой командовал лейтенант Чебоксаров.

Старший лейтенант Ковтун изредка поглядывал на Сергеева. Накануне между ними случилась ссора, и Владимир пытался определить настроение своего командира, хотя, конечно, это никак не могло сказаться на их взаимодействии в предстоящей операции. Между тем оба звена резко свернули влево и вошли в ущелье. Сразу же Сергеев увидел пылящие впереди три мотоцикла.

В Афганистане мотоциклисты однозначно – «духи», поэтому он немедленно открыл огонь. Их принадлежность к противоборствующей стороне подтверждали притороченные за спиной, как тогда показалось, гранатомёты. Вертолёты подхватили огонь, сработав НУРСами, и вслед за зловещим шипением раздалась череда взрывов. Душманы оказались не робкого десятка: едва завидев вертолеты и поняв, что сейчас подвергнутся обстрелу, скинули гранатомёты и успели произвести два ответных выстрела, на которые вертолётчики отреагировали мастерскими манёврами. Майор, понимая, что события будут развиваться очень быстро, включил радиостанцию и скомандовал: «Чебоксаров в воздухе, “огневые” в круг на прикрытие!»

Оставляя один вертолёт с разведчиками в воздухе, Сергеев мог в дальнейшем рассчитывать на десант, по необходимости, в любой точке, где он укажет. Вертолёты огневой поддержки в это время, встав в круг, должны были продолжать работу НУРСами и пулемётами. Своему экипажу майор приказал немедленно сесть. «Восьмёрка» отработала один залп НУРСами и резко ушла вправо на посадку. Едва вертолёт коснулся колёсами земли, как разведчики выскочили и двумя группами помчались к валяющимся мотоциклам и телам уничтоженных душманов.

Уцелеть удалось одному из них. Он подхватил кейс и помчался наутёк. За ним рванулся лейтенант Ковтун. С вертолётов поняли, что он нужен живым, и били прямо перед ним, чтобы замедлить его бег. Понял это и душман и только прибавил скорости. Явно ему удавалось уйти, так как расстояние между ним и Ковтуном было уже около двухсот метров. Владимир припал на колено, вдохнул и выдохнул несколько раз, чтобы восстановить дыхание, и выстрелил. Шансов у «душка» не было – Ковтун был мастером спорта по стрельбе. Подбежав к убитому, он вынул из мёртвой руки объёмистый «дипломат» и хотел было тут же открыть его, но возобновившийся свист пуль вынудил его ретироваться. Ковтун трусцой, втянув голову в плечи, но не делая больше ничего, чтобы уберечься от прицельных выстрелов, возвращался обратно. Добежав до валяющегося мотоцикла, он попытался снять притороченный к багажнику завернутый в одеяло (а это был именно он) ПЗРК. Сразу это не получилось, тогда Владимир, оседлав мотоцикл, завёл его и помчался к вертолёту. К нему навстречу бежал Сергеев с вопросом:

– Что?

– Стингер! – выдохнул Ковтун. Забыв о вчерашнем раздоре, они обнялись, поздравили друг друга с удачей, но радоваться было некогда. Бойцы притащили ещё две трубы, одну пустую, а другой «Стингер» остался неиспользованным. Все три ПЗРК наспех завернули в одеяло, бегло осмотрели убитых и загрузились в вертолёт. Всего в этом бою было уничтожено шестнадцать душманов. К трем мотоциклистам попыталась прийти на помощь группа, засевшая на близлежащей сопке, и их постигла та же участь. Кроме этого, был захвачен раненый душман, которому вкололи промедол и тоже загрузили в «восьмёрку». Для более тщательного осмотра поля боя времени не было, место было достаточно опасное, и надо было срочно уходить.

Вертолёт взлетел. Уже в воздухе Ковтун, даже не пытаясь перекричать гул моторов, ткнул пальцем в сложенную антенну ПЗРК. Это означало, что всем очень сильно повезло, душманы то ли в спешке, то ли не до конца освоив новое оружие, не разложили антенну, и стрельба велась как из обычного гранатомёта. В противном случае два вертолёта были бы неминуемо сбиты.

С момента первого выстрела прошло не более двадцати минут. Уже в вертолёте открыли кейс и поняли, что это был полный комплект технической документации к только что захваченным американским ПЗРК «Стингер», вплоть до адресов поставщиков и подробной инструкции по применению. Пожав руку командиру, Ковтун шутливо произнёс:

– Георгиевич, смотрю на Героя СССР.

– На себя посмотри, – отозвался тот.

Однако в каждой шутке есть доля шутки. Дело в том, что до появления «Стингеров» вертолётчики чувствовали себя в воздухе относительно спокойно, но с их появлением потери резко возросли. Была дана команда срочно добыть образцы ПЗРК, и длительное время это не удавалось никому сделать. В бригады спецназа даже пришла телеграмма, подписанная министром обороны маршалом Соколовым, в которой говорилось о том, что тому, кто первым захватит образец «Стингера», будет присвоено звание Героя СССР.

К званию Героя СССР представили четверых: руководителя операции майора Сергеева, командира группы Ковтуна, командира вертолётной группы Соболя и сержанта Айтбаева из досмотровой группы. Однако, как это часто бывает, командование, всегда щедро раздававшее обещания, слова своего не сдержало – Золотых звезд Героя дано никому не было.

«Шуму вокруг этого захвата было много, – вспоминал друг Евгения Георгиевича Александр Худяков. – На четверых начали готовить документы на Звезду Героя. Для оформления представления положено фотографировать кандидатов. Сфотографировали четверых – Сергеева, Соболя – командира одного из «бортов», Ковтуна и сержанта Айтбаева. Но никому ничего не дали. По-моему, сержант получил медаль “За отвагу”. Может, партийное взыскание Жени повлияло, может, что другое. Человек он честный, преданный, никогда не кривил душой, резал правду-матку – не шепотом, а в полный голос. Многим начальникам это не нравилось – отсюда и конфликты».

Тогда многие, и близко не участвовавшие в операции, получили за это награды, но кто их сейчас помнит их фамилии? Имена участников той операции, и в первую очередь Евгения Сергеева, навсегда останутся в истории отечественной разведки. Майор Сергеев прошёл многие «горячие» точки, и судьба хранила его. Даже когда во время первой чеченской кампании его батальон подорвался на фугасе, заложенном в здании спортзала, где они остановились на ночь. Взрыв произошёл, когда разведчики уже отдыхали. Тогда было погребено заживо сорок семь человек. Подполковник Сергеев уцелел чудом. На него рухнула кирпичная стена, и он, получив множество переломов, потерял сознание. Когда пришёл в себя, застонал от боли, его услышали и вытащили из руин.

То, что в двух войнах не удалось сделать ни душманам, ни чеченским террористам, удалось человеческой несправедливости и равнодушию. 25 апреля 2008 года, в Страстную пятницу, Евгений Сергеев скончался от четвёртого инфаркта.

Герой России Евгений Сергеев

Лишь стараниями его друзей, где одним из инициаторов был Александр Худяков, звание Героя России (посмертно) было присвоено подполковнику Сергееву 26 мая 2012 года.

Описание захвата первых «Стингеров» было сделано на основании воспоминаний Ковтуна и рассказа близкого друга Е. Сергеева – А. Худякова, взятых из СМИ, в том числе сети Интернет. Однако нижеследующий документ позволяет сделать вывод, что свидетельства оказались недостаточно полными и всесторонними. Это естественно, потому что каждый рассказывает лишь о том, что делал и видел лично, но всего сразу запомнить невозможно. Должно

быть, поэтому были упущены некоторые детали и незаслуженно забыты остальные герои, во всех смыслах этого слова. Документальные фильмы, телепередачи и многочисленные публикации не по вине рассказчиков оказались тенденциозными, искажали реалии того боя. Теперь уже нет резона переиначивать или восстанавливать вновь все эпизоды того, во многом случайного события, но без уточнений не обойтись.

Представление

На Чебоксарова Василия Агафоновича

Командир группы специального назначения роты специального назначения (на БМП) 186 отдельного батальона специального назначения 22 отдельной бригады специального назначения 40 ОА ТуркВО Р-515552

званию ГЕРОЯ СОВЕТСКОГО СОЮЗА

1961 русский чл. ВЛКСМ с 1977 года

не участвовал не имеет

пbsp; (в ВС СССР) с 29 октября 1979 года пbsp;

(призван) Исилькульским РВК Омской области

(награды) Награжден орденом Красной Звезды

Указ ПВС от 21.3.1986 года

*(дом. адрес) Омская область город Куйбышев ул. ****

Ст. лейтенант Чебоксаров В.А. выполняет интернациональный долг на территории ДРА с 7 апреля 1985 года. После представления к ордену «Красного Знамени» 8.9.1986 года участвовал в 7 боевых выходах по уничтожению караванов мятежников, проявив при этом мужество и героизм.

Так, 17.8.86 года при проведении налёта на н.п. Пурдиль вывел группу из-под интенсивного огня мятежников без потерь, при этом группой было уничтожено 6 мятежников, подавлены расчеты БО и ДШК.

Так, 5.01.87. года, командуя досмотровой группой в р-не 30 км юго-зап. Калат, умело руководил действиями подчинённых по захвату каравана. Проявив отвагу и героизм, организовал бой под обстрелом мятежников. Смелыми и решительными действиями группы под его руководством уничтожено 15 мятежников, 3 ПУ ПЗРК «Стингер», 5 ед. СО, 3 мотоцикла и документы. Лично захватил ПУ ПЗРК «Стингер» в сборе. Группа потерь не имела.

ВЫВОД: За мужество и героизм, проявленные при исполнении интернационального долга, умелые действия при захвате секретного образца вооружения мятежников, достоин присвоения звания ГЕРОЯ СОВЕТСКОГО СОЮЗА с вручением ордена ЛЕНИНА.

(командир) 186 отдельного отряда специального назначения 22 отдельной бригады специального назначения 40 ОА ТуркВО.

7 января 1987 года майор (подпись) Нечитайло (гербовая печать части)

Документ опубликован именно в том содержании, в каком (электронном) он попал ко мне. Это второй или третий экземпляр, поэтому имеются некоторые нестыковки.

По достоверному свидетельству одного из участников событий, сразу после посадки вертолёта, в котором находились Е. Сергеев, В. Ковтун и несколько бойцов, приземлился МИ-8 старшего лейтенанта Василия Чебоксарова. Именно он был командиром досмотровой группы № 711, а офицеры Сергеев и Ковтун тогда имели цель провести рекогносцировку для выполнения другой боевой операции, что нисколько не умаляет их заслуг в захвате «Стингеров».

Немедленно после приземления вторая часть досмотровой группы сходу также вступила в бой. События были настолько спонтанны и скоротечны, что выделить кого-то особо теперь не представляется возможным. Однако факт остаётся фактом: захват первых «Стингеров» был произведён разведчиками 1-го взвода старшего лейтенанта В. Чебоксарова из состава 1-й роты и офицерами батальона Е. Сергеевым и В. Ковтуном.

Насколько мне известно, в широком доступе полный список участников публикуется впервые:

1. Айтбаев Марат, сержант
2. Антонюк Валерий, лейтенант
3. Богунов, рядовой
4. Жданов Сергей, сержант
5. Ковтун Владимир, ст. лейтенант
6. Колотов, рядовой
7. Лусников Сергей, рядовой
8. Назаров Александр, рядовой
9. Охоткин Дмитрий, сержант
10. Попов Вадим, рядовой
11. Расторгуев Геннадий, мл. сержант
12. Сафаров, рядовой
13. Сергеев Евгений, майор, заместитель командира батальона, Герой России (посмертно)
14. Скоробогатый Константин, мл. лейтенант
15. Харенко Алексей, сержант
16. Чебоксаров Василий, ст. лейтенант, командир 1-го взвода 1-й роты

К слову сказать, потерь среди выше поименованных солдат и офицеров до конца службы в Афганистане не было. Около половины солдат срочной службы на тот момент прослужили не более шести месяцев.

Глава 3

Второй день моего пребывания в бригаде – а это был четверг – оказался ещё более благоприятным – в часть прибыли три моих однокашника: Коля Старченко, Боря Максимов и Саня Зайков. Последний был братом моей жены и близким другом, он и остался им – самым надёжным и верным – на всё время.

После обеда мы, все трое, в парадной форме отправились представляться командованию части. Командира части на месте не оказалось, но зато в коридоре нам встретился толстый человечек с капитанскими погонами на плечах. Это был заместитель начальника политотдела по партийно-политической работе Рожено Александр Павлович.

Капитан пригласил нас в свой кабинет, поинтересовался выпускными отметками и тут же отчитал нас в беспардонной форме за тройки: меня и Борю Максимова по физподготовке, Колю Старченко по китайскому языку. Было неловко слушать унижительные замечания от человека, явно не блистающего какими бы то ни было физическими данными и не владеющего ни одним иностранным языком. При этом отличные отметки по тактико-специальной подготовке, минно-подрывному делу и остальным предметам не учитывались. Это уже потом мы поняли, что для того, чтобы отчитывать подчинённого, не обязательно быть образцом ума и физического развития. При всей невежливости обращения с нами, он был лишь жалким подобием начальника политотдела подполковника Рыкова, которого также не было на тот момент в расположении бригады. Узнав это, мы облегчённо вздохнули и, счастливые, избежав личного представления командованию, двинулись в строевую часть.

В нашей части распределение происходило следующим образом. Во все подразделения с номером первый – первый батальон, рота, взвод – назначались лучшие офицеры, и такие подразделения заведомо становились образцом службы. Всё было бы логично, но понятие «лучшие» было субъективным и определялось личными симпатиями командиров любого ранга. По странному стечению обстоятельств, в первом батальоне, где командиром был майор Пушкарский – выпускник Киевского ВОКУ, – все вакансии были заняты прибывшими чуть ранее выпускниками того же училища. Нас же назначили во второй батальон, а всего их было два, в первую и вторую роты. Мы, не зная того, что наша принадлежность к неперспективным офицерам была уже predetermined, и радуясь тому факту, что нас опять назначили вместе, направились в подразделение.

Постучав в каптёрку и получив разрешение войти, мы предстали перед своим первым командиром роты. За столом сидел одетый в парадную шинель, крепкого телосложения капитан. На его широком лице выделялись густые рыжевато-коричневые усы. Он встал и, приветливо поздоровавшись за руку с каждым из нас, задал дежурные вопросы, касающиеся обустройства и быта. В ходе беседы выяснилось, что капитан Егоров Сергей Петрович оказался выпускником нашего училища и тоже второго взвода, только четырьмя годами ранее. После короткого построения роты, целью которого было познакомить нас с личным составом, он отпустил нас домой.

Его лишь недавно назначили на должность ротного, а до этого он был командиром группы. По общепринятому мнению в спецназе, командир становился настоящим и опытным лишь после четырёх лет командования группой, и это было действительно так. Петрович, как мы его называли за глаза, учил нас офицерской службе, и я с полной уверенностью могу сказать, что нам сильно повезло. Он никогда не повышал голоса на подчинённых, даже на бойцов, не говоря уже об офицерах. Даже когда Егоров приходил вне себя от ярости, после очередной взбучки у начальства, он не позволял себе никого оскорблять. Побарабанив пальцами по столу, а это был единственный признак крайнего недовольства, и крикнув от расстройства, он говорил провинившемуся офицеру: «Иди, сгоряча не наказываю». А после того как Петрович успока-

ивался, то и подавно не наказывал. Все взыскания если и объявлял, то ровно и официальным голосом, согласно уставу, однако я не помню, чтобы он хоть раз занёс его в личное дело.

На следующий день меня отпустили на выходные в Краснокаменск забрать жену. У меня не раз ещё будет повод обратиться в воспоминаниях к этому неуютному, но современному городку, считавшемуся по праву жемчужиной Забайкалья.

Дело в том, что в то время там жил мой отец, где я оставил супругу, чтобы приехать в часть одному и уладить бытовые проблемы. Таковые были решены в кратчайшие сроки. Мы, все четверо, выбрали себе квартиры в полупустом и только что построенном пятиэтажном доме. В подразделении нам выделили солдатские тумбочки и железные кровати с матрацами армейского образца. Таким образом, для семейного проживания были созданы минимальные условия, которые не менялись ближайшие полгода.

Глава 4

Студёные морозы, приправленные постоянными ветрами, давно уже вступили в полную силу. Офицеры перешли на зимнюю форму одежды, а именно: шинели, шапки, меховые рукавицы-шубенки, на ногах либо унты, либо валенки. Погодные условия заставляли смириться с подобным извращением даже сурового комбрига подполковника Иванова. Температура в казармах в первые две зимы редко превышала пятнадцать градусов. Я не помню, чтобы мы снимали шинели, начиная с конца октября и по апрель включительно. Разве что дома, где восемнадцать градусов считалось максимальным комфортом, и то лишь для короткого отдыха.

Первый командир 24-й бригады полковник Иванов

В один из ноябрьских вечеров мы, командиры взводов, сидели в каптёрке и, уткнувшись лбами в стол, спали в ожидании командира роты. Капитан Егоров, вероятно, делая то же самое, находился в канцелярии батальона. В бригаде была особая методика проведения совещаний. Проводились они почти каждый день. В восемнадцать часов начинался сбор у командира бригады, по его окончании, а длился он порой часа три, комбат собирал ротных командиров у себя в канцелярии. Слава богу, это мероприятие занимало не больше одного часа, но так или иначе совещание ротных офицеров начиналось уже после отбоя, то есть не раньше двадцати двух часов. Как правило, разумный Петрович, побарабанив пальцами по столу и дождавшись, когда комбат покинет казарму, изрекал: «По домам, скрытно. Остальное завтра расскажу». Назавтра выяснялось, что рассказывать было нечего.

Проснувшись от команды дневального «отбой!», продрогшие, мы, подняли головы. За все годы службы на 23-й площадке помню лишь два ощущения. Это постоянный холод и дикое желание выспаться. Минут через тридцать после нашей побудки вошёл Егоров, по обыкновению побарабанил пальцами по столу, затем изрёк:

– Лейтенант Максимов, сейчас берешь свою группу и вместе со старшиной выдвигаешься на вещевой склад для получения зимнего прыжкового обмундирования. Завтра в 10.00 строевой смотр.

Боб взвыл и тут же умолк под строгим взглядом ротного, остальные облегчённо выдохнули. Топать по морозу на «старт» никому не хотелось. «Стартом» называлось место в полутора километрах от части, где ранее располагались три стартовые шахты баллистических ракет. Там же находились полуподземные хранилища. Если шахты были взорваны, то склады по-прежнему исполняли своё предназначение.

Все встали, и только Боря Максимов продолжал сидеть. Ротный, обращаясь к нему, внятно произнес:

– Боря, кому сидим? Рви быстрее туда очередь занимай, там сейчас вся бригада получать будет – утром только вернёшься.

Борю дважды просить не пришлось. Проявив не свойственную ему ловкость, Макс вернулся менее чем через полтора часа, чем подарил нам дополнительное время для сна.

Зимние прыжки. Вертолет МИ-6

Следующим утром ничего не предвещало неприятностей. В 9.45 вся бригада стояла на плацу, облачённая в поношенную зимнюю прыжковую форму одежды. Над ровными рядами личного состава поднимался едва заметный парок от дыхания. Бойцы прятали носы в воротники, испытывая удовольствие от уютного тепла «мабуты». Так в части называли меховой костюм стального цвета, состоящий из куртки с капюшоном и штанов со множеством карманов. Мабута идеально подходила для парашютных прыжков, но была неудобна на учениях. Через несколько километров энергичной ходьбы пробивал пот, и при первой же остановке становилось холодно.

По команде начальника штаба подполковника Фисюка строй замер. Появился комбриг подполковник Иванов. Приняв доклад, он взобрался на трибуну и оглядел подчинённый ему личный состав. Эдуард Михайлович и в добром настроении выглядел свирепо, а уж когда злился, внушал неподдельный страх даже старшим офицерам, не то что нам, юным лейтенантам. Бойцов он редко удостоивал внимания, разве только для того, чтобы выяснить фамилию его командира. Стоит ли объяснять, что по отношению к подчинённым был очень жёстким, если не сказать жестоким? Говорил всегда сквозь зубы, но не кричал и не оскорблял, однако при этом умел находить слова, от которых становилось тревожно на душе.

– Эге-ге, – сквозь зубы процедил капитан Егоров и, побарабанив пальцами по бедру, добавил: – Кажется, мы крупно влипли.

Наблюдательный ротный оказался прав. Он первым заметил, что на плечах подполковника Иванова были нашиты погоны, чего наставлением по воздушно-десантной подготовке не предполагалось. Лишние крючочки, а в данном случае – звёздочки – могли представлять опасность при раскрытии парашюта. Кроме того, предполагалось, что именно в этой форме разведчики должны выполнять боевую задачу в тылу противника, а там не должно было быть ничего, определяющего принадлежность не то что к роду войск, но и к армии государства в целом.

Однако у комбрига было своё мнение на этот счёт. Неразборчивый, но внушительный рык подтвердил догадку Егорова. Более того, стало ясно, что все мы сейчас будем приводить

себя в надлежащий вид – пришивать погоны – не сходя с места, прямо здесь, на плацу в тридцатиградусный мороз. Дав на всё два часа времени, Иванов удалился с непроницаемым и свирепым выражением лица.

– Долбанные «каменюки», – вполголоса проговорил Егоров. Обзывать при всех комбрига было не с руки, поэтому он выразился именно так. «Каменюки» было одним из названий места, где располагалась наша воинская часть. Дело в том, что бригада находилась на опушке леса, в распадке между сопками, склоны которых были каменистыми, едва прикрытыми жиденькой травой. Это было большое счастье, что наша тактико-специальная подготовка не предполагала рытья различного рода фортификационных сооружений.

– Мужики, – произнёс он уже спокойным голосом, обращаясь к нам, молодым офицерам: – вы не представляете, как вам повезло, что службу начали именно здесь, в гадючем месте.

После паузы, предполагая последующий вопрос, уточнил:

– Сравнивать не с чем. Да и по молодости легче терпеть такие унижения и скотство.

Сергей Петрович был прав, а сам он прибыл из группы советских войск в Германии. Не дожидаясь распоряжения командира батальона, обернулся к старшине роты и уточнил:

– У нас погоны есть? Любые.

– Так точно, – тут же отозвался сержант: – с подменки оторвём.

– Давай, каптёра скрытно в расположение и мигом обратно, – поставил задачу Егоров.

Особой скрытности не требовалось. Оставшийся за старшего, подполковник Фисюк понимал ситуацию и не обращал внимания на снующих в казармы и обратно бойцов.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.